

Графиня Е. Ростопчина

Снять съ миниатюра написанного въ 1833 г.

Q

$E \sim \hat{A} \sim P$

(SUSHKOVA)
GRAFINIA

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

Figure 1

Figure 1 shows two panels illustrating the relationship between the number of children and the probability of having a child.

The top panel displays the estimated probability of having a child (Y-axis) against the number of children (X-axis). The probability starts at approximately 0.8 for one child and decreases as the number of children increases, reaching about 0.6 for four children.

The bottom panel displays the estimated probability of having a child (Y-axis) against the number of children (X-axis). The probability starts at approximately 0.8 for one child and decreases sharply, reaching about 0.4 for four children.

SECRET

FILED

1890.

ROSTOPCHINA, EUDOKIĀ PETROVNA (SUSHKOVA)
СОЧИНЕНІЯ GRAFINĀ

ГРАФИНИ

Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

СЪ ЕЯ ПОРТРЕТОМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СТИХИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1890.

2

891.78

R838

1890

v.1

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Сестра моя Евдокія Петровна Сушкова родилась 23-го декабря 1811 года въ Москвѣ, на Чистыхъ прудахъ, близъ Покровки, въ домѣ ея роднаго дѣда съ материнской стороны, Ивана Александровича Пашкова, у котораго ея родители, Петръ Васильевичъ и Дарья Ивановна, поселились со времени ихъ бракосочетанія въ январѣ этого же года. Во время нашествія французовъ въ 1812 г. все семейство Пашковыхъ выѣхало въ одну изъ сибирскихъ деревень Ивана Александровича; но П. В. Сушковъ, служившій чиновникомъ VIII класса при московскомъ комисариатѣ, оставался въ Москвѣ, гдѣ въ 1812 и 1813 годахъ было ему поручено заготовленіе вещей для арміи, а послѣ того, до половины 1815 года находился при ней за границею *). Въ 1816 г. Д. И. Сушкова родила сына Сергѣя, а въ 1817 г. втораго сына Дмитрія и чрезъ два мѣсяца послѣ того скончалась отъ чахотки. Въ это время на принадлежавшихъ И. А. Пашкову Бѣлорѣцкихъ желѣзныхъ заводахъ, въ Оренбургской губерніи, произошли между рабочими безпорядки, и вообще заводское дѣло пришло въ сильный упадокъ подѣ распоряженіемъ малосвѣдущаго управляющаго изъ крѣпостныхъ людей; Иванъ Александровичъ не могъ самъ ѣхать въ Бѣлорѣцкѣ, а два его старшіе сына слу-

*) Въ послужномъ спискѣ моего отца значится, что въ 1812 и 1813 годахъ было возложено на него «заготовленіе вещей для резервной арміи и построение ихъ на дѣйствующія, что онъ исполнилъ въ разоренной Москвѣ, не выходя цѣнъ ни на какія вещи, не смотря на сожженіе въ Москвѣ фабрикъ и заводовъ». Въ дополненіе къ этому официальному свидѣтельству о безкорыстной честности моего отца считаю нужнымъ присовокупить, что онъ никогда не имѣлъ собственнаго независимаго состоянія, но получилъ только тридцать тысячъ рублей ассигнаціями на свою законную часть изъ капитала умершей жены и позднеѣ еще десять тысячъ послѣ смерти своего отца. Онъ всегда жилъ, главнымъ образомъ, службою и въ обстановкѣ весьма скромной.

жили въ гвардіи въ Петербургѣ, и потому онъ уговорилъ своего зятя П. В. Сушкова оставить на время службу и отправиться на заводъ для водворенія тамъ порядка; Петръ Васильевичъ поѣхалъ, оставивъ своихъ дѣтей у дѣда и бабушки Пашковыхъ.

Вернувшись чрезъ три года, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ на службу въ министерство финансовъ; здѣсь онъ оставался нѣсколько лѣтъ, часто навѣщая въ Москвѣ своихъ дѣтей, которыхъ не могъ взять къ себѣ по разнымъ причинамъ и главнымъ образомъ потому, что не желалъ поселиться въ Петербургѣ и все ожидалъ полученія мѣста гдѣ нибудь въ губерніи. Только въ началѣ 1826 г. былъ онъ назначенъ начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа и проѣздомъ чрезъ Москву взялъ съ собою двухъ сыновей, но 14-ти-лѣтнюю дочь пришлось оставить у Пашковыхъ, такъ какъ въ то отдаленное отъ насъ время не имѣлось возможности окончить приличнымъ образомъ воспитаніе свѣтской дѣвушки въ малонаселенной Оренбургской крѣпости, и, кромѣ того, ея пребываніе у вдоваго отца, часто отлучавшагося для объѣздовъ своей весьма растянutoй въ два конца—до Гурьева и до Троицка—таможенной линіи, было бы сопряжено для нея со многими неудобствами.

Жизнь Евдокіи Петровны вообще не была счастливою. Первое ея несчастіе состояло въ ранней потери матери, на шестомъ году дѣтскаго возраста, вслѣдствіе чего ея воспитаніе лишилось благотворнаго вліянія материнской любви, попеченія и руководства, а въ семействѣ Пашковыхъ некому было заниматься ею и заботиться о ней. Дѣдъ и бабушка были люди добрые, но уже состарѣвшіеся и жившіе исключительно только для себя; дѣдъ постоянно проводилъ все время въ своемъ кабинетѣ, куда члены семейства входили къ нему рѣдко и только на короткое время, а самъ онъ выходилъ къ обѣду и еще не надолго къ вечернему чаю; бабушка же, Авдотья Николаевна, вставала не рано и проводила долгое время за своимъ утреннимъ туалетомъ, сидя передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ стояло зеркало, и пока двѣ горничныя причесывали ее и одѣвали, приходили съ нею здороваться дѣти и внуки; затѣмъ, послѣ чая, она ѣздила кататься и дѣлать визиты, но не выходя изъ кареты и только посылая лакея съ своими карточками и разными словесными по-

рученіями, а по возвращеніи домой, сама принимала визиты; къ обѣду ежедневно бывали гости, и послѣ стола бабушка тотчасъ же садилась за вистъ, который безъ перерыва продолжался всегда до ужина. Гдѣ же было имъ, при такомъ образѣ жизни, имѣть надзоръ за воспитаніемъ внуки! Въ семействѣ находились еще двѣ уже немолодыя тетки Евдокіи Петровны, младшія сестры ея матери, но онѣ всецѣло предавались свѣтскимъ развлеченіямъ, а позднѣе старшая изъ нихъ вышла замужъ, младшая же была слишкомъ разборчива въ женихахъ и къ великой своей досадѣ осталась дѣвицею; къ подроставшей племянницѣ обѣ тетушки не питали особенной нѣжности и нисколько о ней не заботились.

Воспитаніе Евдокіи Петровны и ея двухъ младшихъ братьевъ, пока эти послѣдніе оставались у Пашковыхъ до 1826 г., происходило на ихъ отдѣльной дѣтской половинѣ совершенно заглазно, внѣ надзора родныхъ и ввѣренное безконтрольно распоряженію гувернантокъ, гувернера и учителей. Дѣтей выводили утромъ поздороваться съ дѣдушкой и бабушкой, затѣмъ къ обѣду за общимъ столомъ и наконецъ въ третій разъ вечеромъ порѣзвиться въ большомъ залѣ, напиться чаю и проститься съ родными. Никто не заглядывалъ никогда въ ихъ классныя комнаты, кромѣ отца во время пріѣздовъ его въ Москву. Изъ числа нѣсколькихъ смѣнившихся при Евдокіи Петровнѣ гувернантокъ только одна была русская и вполне соотвѣтствовавшая своему назначенію—Наталія Гавриловна Боголюбова, воспитанница Смольнаго института, дѣвица умная, образованная, благовоспитанная, добрая, но которая, по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, оставалась лишь два года при Евдокіи Петровнѣ, когда ей было 10—11 лѣтъ; бывшія послѣ нея другія гувернантки, француженки и швейцарки, никуда не годились, хотя на нихъ не скупились и платили имъ хорошо; но дѣло въ томъ, что въ семействѣ Пашковыхъ никто не умѣлъ, да и не имѣлъ никакого желанія утруждать себя пріисканіемъ хорошей гувернантки *). Послѣдняя изъ нихъ, нѣкая

*) На содержаніе и воспитаніе Евдокіи Петровны у Пашковыхъ было предоставлено нашимъ отцомъ по шести тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ изъ доходовъ съ капитала нашей покойной матери, и впоследствии было сдѣлано все приданое сестры на сбереженія изъ этихъ суммъ; на воспитаніе же двухъ сыновей отецъ бралъ только остальные три тысячи рублей дохода.

вдова Дювернуа, женщина добрая и хорошая, но не имѣвшая научнаго образованія, оставалась въ домѣ долгое время, до самаго замужества Евдокіи Петровны, находясь при ней собственно въ должности компаніонки. Ученіе Евдокіи Петровны соотвѣтствовало требованіямъ тогдашняго воспитанія свѣтскихъ барышень, по слѣдующей общепринятой для нихъ программѣ: законъ Божій, языки русскій, французскій и нѣмецкій, немного ариметики, краткія познанія изъ исторіи и географіи, рисованіе, игра на фортепіано и танцы. Въ сущности этой программы элементарнаго образованія было въ то время достаточно для свѣтской дѣвушки, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя сами пожелали бы, могли впослѣдствіи дополнить и усовершенствовать свои познанія посредствомъ чтенія и самостоятельныхъ занятій. По счастью для Евдокіи Петровны, она была одарена отъ природы отличными умственными способностями, необыкновенною памятью, большою любознательностью, страстною любовью къ поэзіи и литературѣ, а потому еще въ отроческомъ возрастѣ стала постепенно дополнять и расширять кругъ своихъ познаній посредствомъ обширнаго и разнообразнаго чтенія; она также успѣла изучить языкъ англійскій и позднѣе италіянскій.

Призваніе къ поэзіи открылось въ ней съ ранней молодости, какъ она сама о томъ высказалась въ краткой „замѣткѣ о Лермонтовѣ“, написанной ею на французскомъ языкѣ, за три мѣсяца до ея кончины, по просьбѣ Александра Дюма (отца), во время посѣщенія имъ Москвы лѣтомъ 1858 г. Она сказала, что еще въ юномъ возрастѣ, „подъ впечатлѣніемъ восторга отъ Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина, сдѣлала сама попытку заняться поэзіею и написала оду на Шарлоту Корде, но впослѣдствіи сожгла ее“. Въ 1830 году князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, посѣщавшій семейство Пашковыхъ, познакомился съ стихами Евдокіи Петровны подъ названіемъ „Талисманъ“, списалъ ихъ и безъ ея согласія напечаталъ въ петербургскомъ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ на 1831 г., за подписью Д.....а, которая должна была означать: Дарія Сущкова, такъ какъ князь полагалъ, что имя моей сестры было—Дарія, потому что въ семействѣ всѣ ее называли „Додо“, какъ она сама прозвала себя въ раннемъ дѣтствѣ. Это было первое появленіе въ печати стиховъ Евдокіи Петровны; по причинѣ загадочной подъ ними подписи, долгое время не знали

имени ихъ автора, но наконецъ секретъ открылся, и бѣдной поэтессѣ крѣпко досталось въ семействѣ Пашковыхъ за ея лирическое увлеченіе; всѣ находили, что для благородной свѣтской барышни неприлично заниматься сочинительствомъ, а печатать свои произведенія уже совершенно постыдно! Послѣ такого приговора, конечно, Евдокія Петровна болѣе не рисковала отдавать своихъ стиховъ въ печать, до самаго времени своего замужества, хотя писала ихъ довольно много, какъ это усматривается изъ книжки ея стихотвореній, изданныхъ въ первый разъ въ 1841 г., гдѣ почти половина изъ нихъ помѣчена 1829—1833 годами, написанныхъ ею въ возрастѣ отъ 17 до 21 года.

Въ началѣ 1833 г. Евдокія Петровна вышла замужъ за графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина, младшаго сына бывшаго въ 1812 г. главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ѳедора Васильевича. Вѣнчаніе происходило въ церкви Введенія на Лубянкѣ, наискось которой находился домъ жениха, доставшійся ему послѣ отца, который въ немъ жилъ въ 1812 г., и позднѣе скончался 18-го Января 1826 г.—Бракъ Евдокіи Петровны не былъ счастливъ.... по многимъ причинамъ, сообщеніе которыхъ въ печати я признаю бесполезнымъ и неприличнымъ. Укажу только на одну изъ нихъ, состоящую въ томъ, что женихъ былъ еще несовершеннолѣтній и моложе невесты. Сначала Евдокія Петровна не соглашалась принять его предложенія, но послѣ поддавалась общему вліянію и напору со стороны всѣхъ родныхъ и короткихъ друзей семейства Пашковыхъ, которые смотрѣли всѣ на это сватовство какъ на величайшее для нея благополучіе, такъ какъ все московское общество маменекъ и папенокъ наперехватъ гонялось за ловлею этого знатнаго по имени и чрезвычайно богатаго жениха. Евдокія Петровна написала въ Оренбургъ отцу, прося его совѣта; Петръ Васильевичъ отвѣтилъ, что не усматриваетъ прочныхъ задатковъ благополучія въ этомъ бракѣ, какъ по молодости лѣтъ графа, такъ и потому, что счастье семейной жизни не заключается въ одномъ только богатствѣ; однако присовокупилъ, что не имѣренъ препятствовать собственному рѣшенію дочери, которая окружена многочисленными родными, имѣющими возможность дать ей благоразумный и добрый совѣтъ. Онъ пріѣзжалъ въ Москву на ея свадьбу.

Предвидѣніе Петра Васильевича, къ несчастію, оправдалось. Потеря матери въ младенческихъ лѣтахъ и воспитаніе въ разлукѣ съ отцомъ отразились печально сначала на дѣтствѣ и юности Евдокіи Петровны, а далѣе на ея бракѣ и всей послѣдующей жизни. Она скончалась рано, не доживъ до 47 лѣтъ; я былъ глубоко опечаленъ потерей нѣжно любимой сестры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порадовался за нее, предусматривая угрожавшія ей въ недалекомъ будущемъ новаго рода тяжелыя испытанія и бѣдствія— вслѣдствіе утраты всего имущественнаго состоянія и даже средствъ къ существованію семейства. Предвидѣнное мною несчастіе дѣйствительно сбылось чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти моей сестры.

Вскорѣ послѣ выхода замужъ, Евдокія Петровна стала помѣщать свои мелкія стихотворенія сначала за подписью „гр. Р—на“, а затѣмъ подписывая ихъ полнымъ именемъ, во многихъ журналахъ, которые старались всѣ нарасхватъ выпросить что нибудь изъ ея поэтическихъ произведеній. Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, не исключая самого Пушкина, не имѣлъ *при самомъ началѣ* своего литературнаго поприща такого блестящаго, громкаго и всеобщаго успѣха, какъ графиня Е. П. Ростопчина,—причина тому объясняется просто. Женщины-поэты вообще рѣдки, у насъ же до нея не было поэтессы равной ей по таланту, а при этомъ она была молода, привлекательна наружностью и умомъ, принадлежала къ высшему свѣтскому обществу, имѣла въ его средѣ многочисленныя родственныя и короткія связи, успѣла еще съ юныхъ лѣтъ познакомиться въ домѣ Пашковыхъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей, которые обратили сочувственное вниманіе на проблески зарождавшагося въ ней поэтическаго дарованія; при своемъ же первомъ пріѣздѣ въ Петербургъ, осенью 1836 г., она тотчасъ сблизилась и подружилась со всѣми тогдашними корифеями русской литературы. Въ стихотвореніи „Двѣ встрѣчи“ (стр. 49) она описала первое свое знакомство съ Пушкинымъ на балѣ у московскаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына, въ первую зиму ея выѣзда въ свѣтъ, когда ей было 18 лѣтъ; Пушкинъ такъ заинтересовался пылкими и восторженными изліяніями юной собесѣдницы, что провелъ съ нею большую часть вечера и послѣ

того тотчасъ познакомился съ семействомъ Пашковыхъ. Стихи графини Ростопчиной приобрѣтали все болѣе и болѣе громкую извѣстность, ими восхищалось все русское интеллигентное общество, въ особенности представительницы прекрасной его половины, и даже учащаяся молодежь; ихъ переписывали изъ журналовъ, заучивали наизусть, вездѣ говорили о нихъ съ величайшими похвалами. По единогласнымъ отзывамъ литературной критики, лирическія произведенія, написанныя Евдокією Петровною въ первые годы ея поэтическихъ вдохновеній, были проникнуты увлекательною свѣжестью молодыхъ чувствъ и прелестью женственныхъ впечатлѣній, запечатлѣны истиннымъ поэтическимъ талантомъ, выражены легкимъ и изящнымъ стихомъ.

Въ началѣ 1841 г. вышло собраніе ея стиховъ отдѣльною книжкою, заключавшею девяносто одно стихотвореніе, написанныхъ въ десятилѣтній періодъ съ 1829 до октября 1839 года, которыя почти всѣ уже раньше были напечатаны въ разныхъ современныхъ изданіяхъ и хорошо извѣстны публикѣ; но тѣмъ не менѣе вся періодическая печать встрѣтила съ новыми похвалами это первое изданіе сборника поэтическихъ произведеній Евдокіи Петровны.

Это изданіе сестра посвятила мнѣ въ заглавномъ къ нему стихотвореніи „Сережѣ“, гдѣ выражалось ея желаніе, чтобы „на цѣну сестринныхъ мечтаній“ купилъ я лихаго карабаха и боевое оружіе на Кавказѣ, гдѣ я тогда находился на службѣ въ артиллеріи. Но при моемъ возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1840 г., оказалось, что изданіе книжки было уже отдано моею сестрою, по чьему-то совѣту, типографщику Фишеру безъ всякаго письменнаго съ нимъ условія, а прямо по-дамски и по-графски, и въ результатъ вышло, что Фишеръ не заплатилъ ни одной копѣйки автору, ограничившись преподнесеніемъ только двадцати-пяти экземпляровъ книжки, изъ числа которыхъ одинъ и я получилъ отъ сестры. Въ какомъ числѣ экземпляровъ было напечатано изданіе—это осталось неизвѣстнымъ, но разошлось оно такъ быстро, что я не успѣлъ купить нѣсколькихъ экземпляровъ, которые мнѣ понадобились вскорѣ послѣ выхода книжки въ продажу.

Незадолго передъ тѣмъ Евдокія Петровна сдѣлала первую попытку писать прозою и написала двѣ повѣсти: „Чины и деньги“

„Поединок“, напечатанный въ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ въ 1838 году, подъ псевдонимомъ „Ясновидящая“. Обѣ повѣсти послѣ того были изданы въ 1839 г. отдѣльною книжкою, подъ общимъ заглавіемъ „Очерки большого свѣта“, съ краткимъ предисловіемъ, въ которомъ объяснялась слѣдующимъ образомъ причина избранія авторомъ оригинальнаго псевдонима—*Ясновидящая*: „Свѣтъ — живая книга, книга пестрая, трепещущая занимательностью; но не всякому дается ея мудреная грамота. Двоякій путь ведетъ къ оцѣнкѣ свѣта, къ познанію страстей и тайнъ въ немъ кипящихъ: умственные способности разбираютъ, обсуждаютъ, доискиваются; сердечность отгадываетъ и понимаетъ. Умъ видитъ и заключаетъ; сердце видитъ и сочувствуетъ. Первому свѣтъ—зрѣлище, для послѣдняго—онъ драма. И не вѣрьте имъ, говорящимъ, что одна только собственная опытность доводитъ до разумѣнія другихъ; не вѣрьте, что необходимо самому прожить и прочувствовать, чтобъ постичь и угадать жизнь и чувства въ окружающихъ. Нѣтъ, достаточно носить въ душѣ зародышъ сильныхъ впечатлѣній, чтобъ отозваться на вопль души чужой; достаточно вблизи смотрѣть какъ страдаютъ, какъ любятъ, чтобъ говорить ихъ языкомъ съ страдающими и любящими; достаточно прозрѣть и прослышать, чтобъ на все найдти отблескъ и отзвукъ“.

Нельзя не признать, что Евдокія Петровна съ полнымъ успѣхомъ оправдала выраженное ею убѣжденіе въ этомъ заявленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей хорошо удалась первая попытка писать прозу; хотя нѣкоторыя мѣста въ этихъ разсказахъ изобличали перо еще недостаточно опытное и слогъ не всегда былъ правиленъ, даже встрѣчались выраженія и обороты своеобразные, но за то онъ отличался выразительностью и живостью. Главное достоинство обѣихъ повѣстей заключалось въ ихъ психологическомъ интересѣ, въ тонкомъ психическомъ анализѣ чувствъ, мыслей, характеровъ и поступковъ въ нихъ изображенныхъ лицъ. Въ „Дневникѣ“ Н. А. Полеваго, бывшаго въ то время редакторомъ „Сына Отечества“ и читавшаго въ корректурѣ эти рассказы, записано подъ числомъ 14 января 1838 года: „Читалъ повѣсть Ростопчиной. Какая прелесть! Это наша Жоржъ-Зандъ“.

Весьма курьезно, что съ изданіемъ отдѣльною книжкою

этихъ двухъ повѣстей ^{карьеру} приключилась точно такая же ^{диск} продѣлка, какъ позднѣе съ первымъ изданіемъ стихотвореній графини Ростопчиной. Она подарила повѣсти своему юному брату Дмитрію Петровичу Сушкову, который ^{stumble} наткнулся на плутоватаго издателя (или его забылось) и по своей неопытности довѣрился ему, не заключивъ съ нимъ письменнаго условія, вслѣдствіе чего не получилъ съ него никакой платы; къ тому же книжка была напечатана въ петербургской типографіи Неймана въ постыдномъ видѣ, на сквернѣйшей бумагѣ и плохимъ шрифтомъ.

Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ брака дѣтей у Ростопчиныхъ не было, и весной 1836 г. какой-то медикъ посовѣтовалъ имъ побывать на Кавказскихъ водахъ, хотя оба они пользовались отличнымъ здоровьемъ; они послѣдовали этому совѣту—и послѣ того три года сряду, въ 1837—1839 гг., у нихъ родились двѣ дочери и сынъ. Будучи въ 1836 г. произведенъ въ офицеры, при классахъ артиллерійскаго училища, я ѣздилъ къ нимъ на Кавказъ, чтобы свидѣться съ сестрою послѣ пятилѣтней разлуки и познакомиться съ зятемъ.

Осенью 1836 г. молодые супруги пріѣхали пожить въ Петербургъ и на первое время, до пріисканія болѣе удобнаго помѣщенія, поселились въ довольно скромной квартирѣ на Сергіевской улицѣ. По своему немалочисленному родству и связямъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, они были приняты отлично въ его кругу, въ особенности Евдокія Петровна, имѣвшая обаяніе молодости, красоты, ума, любезности и поэтическаго таланта. Ростопчины не имѣли права пріѣзда къ Высочайшему двору, по маленькому чину графа—отставнаго поручика; но Императрица Александра Ѣеодоровна удостоивала иногда Евдокію Петровну милостивымъ приглашеніемъ къ себѣ по утрамъ, а Государь при всѣхъ встрѣчахъ съ нею на частныхъ великосвѣтскихъ балахъ и раутахъ всегда изволилъ разговаривать съ нею и оказывать ей свою благосклонность. Императоръ Николай Павловичъ любилъ разговоры съ умными женщинами и по этой причинѣ часто посѣщалъ маскарады въ дворянскомъ собраніи и Большомъ театрѣ, которые въ то время были въ большой модѣ, чрезвычайно блестящи, многолюдны и посѣщались лучшимъ свѣтскимъ обществомъ; такъ какъ моя сестра отличалась остроумною, живою и пріятною бе-

сѣдою, то, по желанію Государя, она ѣзжала въ маскарады, и мнѣ случалось иногда сопровождать ее. Это милостивое благорасположеніе Ихъ Величествъ къ Евдокіи Петровнѣ началось при высочайшемъ посѣщеніи Москвы въ 1832 г., когда моя сестра удостоилась въ первый разъ представиться Государю и Государынѣ и имѣла счастье обратить на себя Ихъ благосклонное вниманіе.

Отъ зимы съ 1836 на 1837 г. сохранились въ моей памяти неизгладимыя воспоминанія о происходившихъ нерѣдко у Ростовичныхъ обѣдахъ, на которые собирались Жуковский, Пушкинъ, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ, князь Одоевскій, Плетневъ, графы Віельгорскіе, Мятлевъ, Соболевскій, графъ В. Соллогубъ и еще нѣкоторые другія лица, принадлежавшія по своимъ близкимъ связямъ къ этому высоко-интеллигентному и даровитому кружку; легко себѣ представить всю увлекательную прелесть и занимательность этихъ пріятельскихъ и задушевныхъ собраній; я всегда спѣшилъ на эти обворожительныя обѣды, какъ на величайшій для меня праздникъ. Всѣ эти наши литературныя знаменитости относились съ искреннимъ, теплымъ сочувствіемъ и лестными похвалами къ молодой талантливой писательницѣ, которая съ своей стороны платила должною данью уваженія ихъ высокимъ дарованіямъ.

Благорасположеніе В. А. Жуковского къ Евдокіи Петровнѣ, его отличное мнѣніе о ея поэтическомъ талантѣ и то живое участіе, которое онъ принималъ въ ея литературныхъ занятіяхъ, выразились въ высшей степени лестнымъ образомъ для нея послѣ горестной кончины А. С. Пушкина. Незадолго до своей смерти, Александръ Сергѣевичъ приготовилъ „черновую книгу“ для записыванія въ ней своихъ будущихъ новыхъ стихотвореній; послѣ него эта книга перешла къ Василю Андреевичу, который съ своей стороны позднѣе передалъ ее Евдокіи Петровнѣ, при нижеслѣдующемъ письмѣ:

„Посылаю вамъ, графиня, на память книгу, которая можетъ имѣть для васъ нѣкоторую цѣну. Она принадлежала Пушкину; онъ приготовилъ ее для новыхъ своихъ стиховъ, и не успѣлъ написать ни одного; мнѣ она досталась изъ рукъ смерти, я началъ ее; то, что въ ней найдете, не напечатано нигдѣ. Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящаго своего назначенія. Все это въ старые годы написалъ бы стихами, и стихи

были бы хороши, потому что дѣло бы шло о васъ и о вашей поэзіи; но стихи уже не такъ льются, какъ бывало, кончу просто: не забудьте моихъ наставленій; пускай этотъ годъ уединенія будетъ истинно поэтическимъ годомъ вашей жизни.

Вашъ Жуковский.“

25-го апрѣля 1838 г.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ высокому дарованію и памяти Пушкина приняла Евдокія Петровна этотъ драгоценный даръ, признавая себя *недостойною* обладать имъ, и написала въ отвѣтъ Василю Андреевичу стихи, подъ заглавіемъ: „Черновая книга Пушкина“ (стр. 48).

Осенью 1837 г. Ростопчины поселились въ новомъ помѣщеніи на Дворцовой набережной, гдѣ зимою давали пышные балы, на которыхъ я не присутствовалъ, уѣхавъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ служить на Кавказъ. Упоминаемый В. А. Жуковскимъ „годъ уединенія“, предстоявшій Евдокіи Петровнѣ, относится къ тому обстоятельству, что графу А. Ѳ. Ростопчину вдругъ вздумалось весною 1838 г. отправиться на продолжительное пребываніе въ свое воронежское село Анна, откуда въ 1839 г. Ростопчины вторично ѣздили на Кавказскія воды. Въ 1840 г. пришла въ голову графу Андрею Ѳеодоровичу новая непонятная фантазія—поступить опять на службу поручикомъ въ армейскій гусарскій полкъ, съ тѣмъ чтобы не находиться въ полку, а быть ремонтеромъ и жить въ своемъ селѣ Аннѣ, гдѣ онъ имѣлъ замѣчательнѣйшій и единственный въ Россіи заводъ кровныхъ арабскихъ лошадей, разведенный его отцомъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ, отъ четырехъ знаменитыхъ лошадей, выведенныхъ изъ Аравіи съ большимъ трудомъ и подъ военнымъ прикрытіемъ, такъ какъ тамъ строго соблюдался обычай не выпускать изъ страны лошадей такого высокаго достоинства. Причуда графа А. Ѳ. Ростопчина выразилась для него ежегодными лишними издержками на приплату за ремонтныхъ для полка лошадей, которыхъ даже онъ не самъ покупалъ, но передавалъ это порученіе другимъ опытнымъ ремонтерамъ; послѣ болѣе трехлѣтней такого рода полезной службы, наконецъ она наскучила графу, и онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-ротмистра.

Графиня Евдокія Петровна, проживъ два года въ селѣ Аннѣ, не могла согласиться на дальнѣйшее, безъ всякой надобности, скуч-